

Пролог

Папа ногой притворяет дверь в спальню. Она не закрывается до конца, и в комнату проникает узкая полоска света.

— Не уходи! — пронзительно кричит маленькая девочка. Растрёпанные рыжие волосы падают ей на лицо. — Папочка, пожалуйста, не уходи!

Он просовывает голову в дверь. Девочка плотно кутается в одеяло, но всё её тело сотрясает дрожь.

— Что случилось, радость моя?

— Мне страшно, — шепчет она.

— Хочешь, проверю, нет ли кого под кроватью?

~ МЁРТВЫЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ ~

Девочка мотает головой:

— Нет, там никого нет.

— Тогда кого же ты боишься?

На папу смотрят большие зелёные глаза.

— Герхарда, — шепчет девочка.

Папа тяжело вздыхает, подходит к ней, включает лампу на тумбочке и садится на край кровати:

— Где ты слышала это имя? — Его голос внезапно становится серьёзным. Девочка не отвечает, и папа гладит её по волосам. — Где ты слышала это имя? — повторяет он спокойнее.

— В школе, — отвечает она.

Папа наклоняется и целует её в лоб.

— Герхарда больше нет, — говорит он. — Слышишь меня? Его больше нет.

Она зажмуривается, как будто ей в голову пришла какая-то неожиданная мысль, и хватает папу за руку:

— А это правда?

— Что?

— Что он убивает маленьких детей?

1

— Что скажешь, Хенрик? — спрашивает папа. Его лицо озаряется светом, он полон ожиданий, как ребёнок, который готовится открыть первый рождественский подарок.

— Ну, он вроде как... — Я останавливаюсь на полуслове и оглядываю поляну величиной с футбольное поле. Гравийная дорожка вьётся по склону к вершине холма. Там, наверху, стоит дом — громоздкий белый великан. — Ну, он вроде как б-большой.

Папа смеётся, но совершенно не обидно. Его смех звучит мило и добродушно.

~ МЁРТВЫЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ ~

Папа никогда не шутит над моим заиканием.

Он не спеша возвращается к грузовику, который привёз вещи, а я стою и смотрю на наш новый дом, на обшарпанные белые стены и тёмные окна. Непонятно, почему меня потряхивает. Волоски на руках встают дыбом.

Я вздрагиваю, когда из кошачьей переноски раздаётся грохот. Нала мяукает и тарачит огромные глаза, как будто ей от меня что-то нужно. Это не кошка, а громадный и толстый танк.

— Всё хорошо, — шепчу я ей и в тот же миг слышу папин голос:

— Иди посмотри на новый дом, Гард!

Мама и папа стоят рядом с Гардом, моим младшим братом. Он сидит в машине с комиксом в руках и не желает выходить.

— Не-е-е-ет, — тянет он своим тонким капризным голосом, словно ему три года, а не семь.

— Пожалуйста, Гард, выходи, — говорит папа.

— Не-е-е-ет!

~ ГЛАВА 1 ~

Мой младший брат змеёй извивается на сиденье. Папа качает головой и идёт ко мне. В каждой руке у него по чемодану.

— Гард сам решит, когда ему выходить из машины. Дадим ему время, — говорит папа — главным образом, самому себе. Он останавливается и, запрокинув голову, смотрит на громадное строение. — Ну что, босс, готов въехать в новый дом?

— Ага, — киваю я.

Из кошачьей переноски снова доносится шум, и папа наклоняется, чтобы её открыть.

— Думаешь, можно вот так просто взять и выпустить кошку? Разве мы не должны сначала приучить её к этому месту — вдруг она заблудится?

— Не волнуйся, — отвечает папа, и в этот миг кошка вырывается на свободу. — Кошки способны сами о себе позаботиться.

Нала ласково трётся о мои ноги и мурлычет. Потом направляется по подъездной дорожке к белому штакетному забору, окружающему участок,

~ МЁРТВЫЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ ~

останавливается — и вдруг, внезапно подпрыгнув, исчезает в просвете между двумя штакетинами, как будто точно знает, куда ей надо.

Мы с папой поднимаемся по холму к нашему новому дому. Громадина вышагается прямо перед нами.

— Лодочная улица, тридцать семь, — сообщает папа, когда мы забираемся на холм.

— Белый и холодный, — шепчу я.

Наши глаза встречаются, папа хмурится. Он ставит чемоданы на землю, подходит к стене и проводит рукой по гладким, покрытым белой краской доскам. Краска на старых стенах в некоторых местах вот-вот облетит. С близкого расстояния дом кажется ещё больше. Мне приходится сильно запрокинуть голову, чтобы увидеть второй этаж. Судя по окнам, расположенным совсем близко к земле, в доме есть подвал.

— Вот чёрт, — говорю я. — Это тебе не тесная квартирка в Осло. Ведь правда же?

Папа смеётся, а у меня от предвкушения сосёт под ложечкой. Я неделями

~ ГЛАВА 1 ~

ждал этого дня, и мне глубоко плевать, что от вида этого дома у меня мурашки бегут по коже. Я радуюсь. Две недели назад я распрощался со своими бывшими одноклассниками и не скучаю ни по кому из них. Та банда — это уже история. Город Ботсвик, Северная Норвегия и этот дом — вот моя новая жизнь. Я знаю, всё будет хорошо.

— Давно его не красили, — говорит папа. — Летом займёмся. Может, вы с Гардом мне поможете?

— Да, — киваю я, хотя прекрасно знаю, что помогать придётся мне одному. Гард такими вещами не занимается.

— Скоро мы уже зайдём в дом? — спрашивает мама. Она стоит у машины рядом с Гардом и дрожит от ветра. Гард выбрался наружу. Мне в глаза бросается мамина правая рука. Она расслаблена, ладонь повёрнута в сторону Гарда. Мама как будто надеется, что Гард возьмёт её за руку.

— Ключи у тебя, — отвечает папа.

Мама копается в карманах, находит ключи и садится на корточки перед Гардом:

~ МЁРТВЫЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ ~

— Хочешь первым открыть наш новый дом?

Гард поглощён своим комиксом и не обращает на неё внимания. Она повторяет свой вопрос, и на этот раз кладёт руку ему на плечо.

Гард стряхивает мамину руку, отходит на пару шагов в сторону и огрызается:

— Нет!

— А ты знаешь какие-нибудь другие слова, кроме «нет», Гард? — спрашиваю я.

Дыхание тяжёлое, взгляд непокорный. Гард похож на испуганного зверя, и мне больно смотреть на маму. Она поднимает ладони вверх, словно хочет извиниться.

— Я не хотела, Гард, — говорит она. — Прости.

— Ты ничего плохого не сделала, — протестую я, хотя мы оба знаем, что мой младший брат ненавидит, когда его трогают.

Но мои слова не имеют для мамы никакого значения, она не отрывает глаз от Гарда.

~ ГЛАВА 1 ~

— Оставь парня в покое, Маргарет, — говорит папа. Он берёт ключи и поднимается по крыльцу к двери.

Папа отпирает дверь, и я бросаю последний взгляд на высокий белый фасад. Мне вдруг приходит в голову, что другие дома на этой улице не похожи на наш. Большинство из них ниже и выкрашены в радостные цвета — зелёный, жёлтый или красный. Из-за ухоженных изгородей доносится детский смех, а если приглядеться, можно увидеть батуты, качели и бархатистые цветы. Такие дома встречают тебя с распростёртыми объятиями, думаю я. Они рады жильцам, приветливо машут и хотят, чтобы ты зашёл... Я снова с содроганием смотрю на наш новый холодный дом, который величественно возвышается над всей Лодочной улицей.

— Хенрик, ты идёшь? — спрашивает папа из-за двери.

Я медленно поднимаюсь по крыльцу и переступаю порог. Это же просто дом, говорю я себе, отделяваясь от ощущения, что с этим местом что-то не так.

~ МЁРТВЫЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ ~

Но напряжение и неприятное ощущение под ложечкой возвращаются, когда я вслед за папой вхожу в коридор.

— Гостиная, — объявляет папа. Он находит выключатель и зажигает люстру.

Комната по размерам напоминает спортивный зал. Мебель накрыта белыми ветхими простынями. Папа сдёргивает одну из них и отбрасывает назад. Ткань медленно опускается на пол. Перед нами коричневый диван.

— А чья это мебель?

— Наша, — говорит папа. В помещении с таким высоким потолком он кажется совсем маленьким. — Бывший владелец отдал нам всё. Он даже не захотел показать мне дом, когда мы оформляли покупку. Прислал ключи по почте.

Папа открывает обеденный стол, стулья и комод: он сдёргивает простыни, и они медленно опускаются на пол. Пыль кружится вокруг, как снег.

— Дом просто огромный, — говорю я.

~ ГЛАВА 1 ~

Папа тихо посмеивается, и в этот момент в гостиную входит мама и ставит на пол большую сумку.

— Как думаешь, Хенрик, нам здесь будет хорошо?

— А з-наешь, — отвечаю я, ещё раз оглядывая огромную гостиную, — думаю, да.

